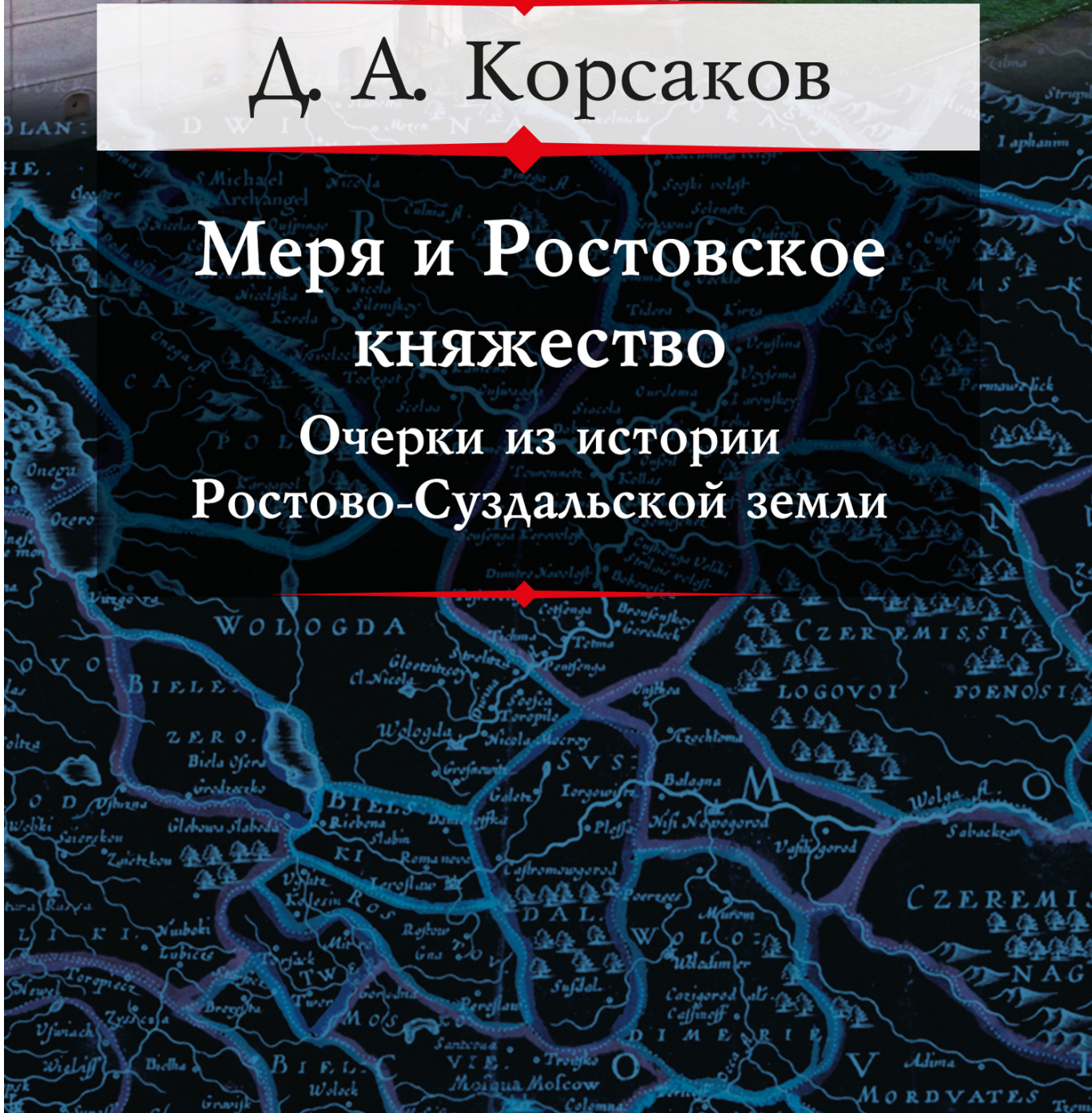

Д. А. Корсаков

Мера и Ростовское княжество

Очерки из истории
Ростово-Суздальской земли

Дмитрий Корсаков

**Меря и Ростовское княжество.
Очерки из истории Ростово-
Суздальской земли**

Издательство «Кучково поле»

1872

УДК 913.1/913.8
ББК 63.3(2)41-43

Корсаков Д. А.

Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли / Д. А. Корсаков — Издательство «Кучково поле», 1872

ISBN 978-5-9950-0507-0

Русский историк Д. А. Корсаков в своей работе, опубликованной в 1872 г., исследует историю дославянских племен мери и чуди на территории Ростово-Суздальской земли, указывает на ее ключевую роль в истории России как места, где сложилось «великорусское племя», где получило развитие идея единовластия как основы государственного строя и где Московское княжество стало центром объединения русских земель. Уникальность его труда состоит в реконструкции по многочисленным источникам элементов языка, религиозных верований дославянских племен, утраченных к настоящему времени. Книга будет интересна любителям исторической географии, а также истории России в целом.

УДК 913.1/913.8
ББК 63.3(2)41-43

ISBN 978-5-9950-0507-0

© Корсаков Д. А., 1872
© Издательство «Кучково поле», 1872

Содержание

Д. А. Корсаков: черты биографии	6
От автора	8
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Александрович Корсаков
Меря и Ростовское княжество. Очерки
из истории Ростовско-Суздальской земли

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

М Е Р Я

И

РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РОСТОВСКО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Д. КОРСАКОВА.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1872.

Печатается по изданию:

Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. Казань, 1879

Д. А. Корсаков: черты биографии

Автор книги – Дмитрий Александрович Корсаков (1843–1919), представитель старой дворянской фамилии, приходился племянником известному русскому историку, философу и публицисту К. Д. Кавелину¹, но, в отличие от дяди, не был столь разносторонен в своей деятельности и никогда не менял избранный род занятий.

Вся жизнь Д. А. Корсакова со времен студенчества была связана с Казанским университетом. Поступив в 1860 г. и окончив курс с золотой медалью спустя четыре года, он некоторое время служил на разных должностях в пореформенных учреждениях Казанской губернии, но затем вернулся в университет, где в 1872 г. защитил магистерскую диссертацию по отечественной истории. Далее началась долгая научная карьера. Вначале доцент, после защиты в 1880 г. докторской диссертации – профессор, с 1887 г. заслуженный профессор кафедры русской истории. С 1900 г. на протяжении пяти лет исполнял должность декана историко-филологического факультета. В 1905 г. Д. А. Корсаков был избран членом корреспондентом Петербургской академии наук. Учебные занятия он перестал вести только в 1914 г., однако оставил за собой определенные обязанности и до последних дней жизни оставался профессором своей кафедры. Деятельность Д. А. Корсакова не ограничивалась университетом. Он состоял членом известных российских научных обществ и публиковался в их изданиях, читал публичные лекции. Научное наследие Д. А. Корсакова включает 170 печатных работ, среди которых статьи и монографии по отечественной истории разных периодов, публикации исторических документов, обзоры и статьи по этнографии Поволжья, очерки.

Монография «Мера и Ростовское княжество» стала первым большим исследованием ученого, его магистерской диссертацией, опубликованной, как было принято, в год защиты. Свою задачу Д. А. Корсаков видел в написании «истории Ростово-Суздальской земли», а жанр своего труда определил, как «очерки из истории этой земли». Слово «земля», как более общее понятие в сравнении с напрашивающимся по контексту «княжеством», употреблено автором специально, поскольку хронология его изысканий начиналась с эпохи до появления славян и возникновения Ростова и Суздаля, а древнерусский период истории виделся как время, предшествующее образованию Московского государства, и как «эпоха окончательного формирования отличительных особенностей великорусского племени». Географически определенная территория Ростово-Суздальской земли охватывает Волго-Окское междуречье в пределах, ограниченных с юга бассейном р. Клязьмы, отчасти включает Костромское Поволжье и, в соответствии со сведениями летописи, к северу по Шексне достигает Белоозера. Для разных периодов истории границы земли уточняются, исходя из возможностей имевшихся источников

История, а по сути, предыстория края, начинается с характеристики мери, упомянутой летописью как народ, живший у озер Ростовского (Неро) и Клещина (Плещеево), и как первых «насельников» Ростова. Ничего принципиально нового к известному в то время Д. А. Корсаков добавить не смог. В его интерпретации мера была «чудским народцем», родственным другим финноязычным народам Поволжья и Поочья: черемисам (мари), мордве, муроме. Мера жила в лесистой дикой местности, занималась охотой и звероловством «и, быть может, распалась на несколько родов, имевших своих князьков». Обращение к субстратной топонимии и поиск географических названий с основой «мер» позволило определить территорию расселения мери, которая оказалась значительно больше, нежели было указано в летописи. Однако подобную работу с похожим результатом в рамках общего исследования чуть ранее выполнил

¹ Д. А. Корсаков опубликовал воспоминания о К. Д. Кавелине («Вестник Европы», 1886–1888, отд. ном.) и был одним из редакторов его посмертного собрания сочинений (1900).

А. С. Уваров². Как настоящий ученый, учитывая ограниченность и качество источников, Д. А. Корсаков сам признавался, что «выводы относительно мери в настоящее время не могут восходить далее гипотез».

Гораздо обстоятельнее и подробнее описана последующая история Ростовского княжества, начиная от появления на мерянской территории славянского населения в IX–X вв. и кончая событиями XIV в. Уже ознакомление с пространными, раскрывающими содержание отдельных частей заглавиями II–V глав книги показывает, что автор постарался охватить своим вниманием буквально все стороны средневековой жизни и происходившие исторические процессы. С той или иной степенью подробности в хронологической последовательности рассмотрены пути и формы древнерусской колонизации, обстоятельства возникновения городов и распространения христианства, внутренняя и внешняя политика князей, этапы развития торговых и культурных связей, последствия монголо-татарского нашествия и многое другое. Без внимания не осталось, кажется, ни одно отмеченное в летописях событие или известное историческое лицо.

В своей работе автор использовал все возможные исторические источники, от античных до документов XVI–XVIII вв., а также данные этнографии, археологии, топонимики, географии, учел все известные научные публикации и достойные внимания краеведческие материалы, появившиеся на то время в периодической печати и местных изданиях. Работа стала первым в историографии обобщающим исследованием по истории Северо-Восточной Руси, охватившим период от незапамятных (для автора) времен появления мери до возникновения удельных княжеств в XIII–XIV вв. Пользуясь современной терминологией, научный труд Д. А. Корсакова в полной мере можно охарактеризовать как комплексное научное исследование, построенное на совокупности всех доступных автору источников, отразившее существовавшие методы и уровень их научного анализа и господствующие воззрения на отечественную историю.

Книга Д. А. Корсакова долгое время оставалась наиболее подробным исследованием по истории Северо-Восточной Руси³. Но с позиций современной науки, спустя 144 года после своего выхода в свет, она вызывает лишь историографический интерес: труды последующих поколений историков многое добавили к нашим знаниям о средневековой Руси. Вместе с тем, «Меря и Ростовское княжество» небезынтересна и сейчас, как произведение своего времени. Например, замечательным русским языком и авторской манерой изложения: обстоятельной, неторопливой, с вниманием к отдельным фактам, тщательными формулировками выводов, где необходимо, пояснениями своей позиции и обязательным заключением к каждому разделу. Но в первую очередь книга примечательна благодаря богатому фактическому материалу, собранным воедино сведениям разнообразных источников.

*доктор исторических наук
Андрей Евгеньевич Леонтьев*

² Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда в Москве, 1869. Т. II. М., 1871, с. 640–654.

³ Современную оценку работы Д. А. Корсакова см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984, с. 16–18.

От автора

Специальная история Ростовско-Суздальской земли занимает очень видное место во всеобщей истории России, имеет весьма важное значение для уяснения нашей исторической жизни.

В земле Ростовско-Суздальской образовалось и окрепло младшее из трех племен нашего народа, племя великорусское – племя, собравшее и сплотившее русскую землю и создавшее могущественное русское государство, единственную самобытную в настоящее время славянскую державу.

В земле Ростовско-Суздальской сложилось и развилось начало единовластия, послужившее основанием нашего государственного строя.

В земле Ростовско-Суздальской, наконец, явилось несколько самостоятельных, независимых друг от друга княжеств. Относительно этих княжеств, самое незначительное – княжество Московское становится этнографическим и политическим центром земли русской: вся Великие и Малые и Белые Руси. Москва является выразительницей стремлений племени великорусского. Посредством Москвы это племя получает первенство в русской земле, посредством Москвы начало единовластия укореняется на Руси и объединяет ее разрозненные области.

Таким образом, история Ростовско-Суздальской земли составляет пролог к истории Московского государства.

Изучение корней, зародышей всех исторических явлений сопряжено с большими затруднениями. Затруднения эти усложняются еще больше при анализе этнографических и политических элементов великорусского племени, историческая физиономия которого до сих пор еще не выработалась в определенный тип.

Вполне понимая эти затруднения и, вместе с тем, сознавая недостаточность наших собственных сил для всесторонней разработки истории Ростовско-Суздальской земли, – мы ограничиваемся на первый раз представлением вниманию читателей «очерков из истории этой земли».

Предлагаемая работа, согласно трем главнейшим явлениям исторической жизни Ростовско-Суздальской земли, выставленным выше, – распадается на три части:

В первой части, состоящей из первой главы, мы сгруппировываем материал, на основании которого, по нашему мнению, возможно, будет впоследствии восстановить исчезнувший народец мерю. Этот народец, который причисляется учеными к обширному чудскому, или финскому, племени, заселявшему с давних пор северо-восток Европы, – обитал в верховьях Волги. Путем колонизации славян среди мери мало-помалу стала образовываться та ячейка, которая с течением времени выросла в племя великорусское.

Вторая часть (главы II и III) рассматривает зарождение элементов гражданственности в Ростовско-Суздальской земле: *власти князя и христианства*, и дальнейшее колонизационное распространение великорусского племени на восток. Часть эта обнимает собою всю Ростовско-Суздальскую землю, с утверждения в ней «мужей» первого князя Рюрика до нашествия татар – эпохи, около которой обособился старейший город земли Ростов в отдельное княжество. В этой части мы старались обратить наше внимание преимущественно на условия, при которых зачалось и развилось начало единовластия.

В третьей части (главы IV и V) излагается внешняя и внутренняя история Ростовского княжества и его уделов. Мы старались изложить эту историю настолько подробно, насколько позволили нам источники, бывшие в нашем распоряжении.

Задача нашей работы, таким образом, может быть сформулирована в следующих положениях:

1. Дать группировку материала для восстановления мери.

2. Представить попытку на посильное уяснение элементов гражданственности Ростовско-Суздальской земли до обособления в этой земле отдельных княжеств.

3. Изложить, по возможности подробно, историю старейшего из этих княжеств, княжества Ростовского.

Как мы выполнили нашу задачу – судить не нам; но мы желаем надеяться, что ученые специалисты простят нам невольные промахи и что критика укажет на наши ошибки.

Д. К.

Казань, 10 января 1872

Глава I

Чудское, или финское, племя и его ветви

Чудское, или финское, племя и его ветви. – Его название, происхождение и историческое значение. – Известие о северо-востоке Европы у греков и римлян. – Сведения о финнах у римлян, немцев, скандинавов и арабов. – Свидетельства Нестора и других наших летописцев и былин. – Чудской народец меря и его распространение. – Данные для восстановления мери: а) из свидетельств позднейших письменных источников; – б) из рассмотрения особенностей теперешнего великорусского населения губерний Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; – с) из аналогии с мордвой и черемисами; – d) из курганных раскопов и археологических находок. – Несколько предположений о языке, религии и быте мери. – Соседи ее чудского и славянского племени и литовский народец голядь. – Колонизация славян среди мери и главнейшие ее виды. – Древнейшие колонизации. – Возникновение Ростова

«Первые насельники в Ростове – мери, в Белоозере – весь», – говорит Нестор, определяя таким образом аборигенов Ростовско-Суздальской земли¹. Меря и весь, по исследованию ученых, принадлежали к значительному чудскому, или финскому, племени, с издавна населявшему северо-восток Европы. Оба эти народца, и меря, и весь, – не существуют теперь, и нам, для того, чтобы прийти относительно их к каким-нибудь результатам, необходимо прежде всего взглянуть вообще на племя чудское в его совокупности.

Чудское племя, бывшее некогда одним из элементов формации великорусской народности и сохранившееся в настоящее время в разбросанных и разобщенных друг с другом народцах – представляет еще почти непочатое поле для исследователя. Остается желать в будущем более и более точных изысканий, наблюдений и исследований для того, чтобы наука могла окончательно уяснить историческую судьбу чудского племени. До сих пор, несмотря на многое, что уже сделано учеными-финнологами, какой-то непроницаемый туман лежит на всем финском вопросе, густая мгла скрывает от пытливого взора исследователя истинное значение финнов в истории нашего народа, истинную роль чудского племени в развитии новейшей европейской культуры. За недостатком положительных данных, непреложных фактов мы поневоле должны довольствоваться гипотезами, предположениями; за отсутствием прямого ответа на вопросы весьма важного свойства, восстающие пред нами, мы должны удовлетворяться гаданиями. Отчего же происходит этот туман, отчего является эта мгла? Ответы на эти вопросы следует искать в трудности историко-этнографических исследований вообще и в трудности таких исследований на русской почве в особенности.

Самая главная, непреборимая трудность для историко-этнографического исследования России, для распознавания и анализа всех различных народностей, когда-то живших и теперь живущих на нашей территории, заключается в природных условиях русской земли: «На громадной равнине северо-восточной Европы, – говорит С. В. Ешевский, – сталкивались и перемешивались представители самых различных ветвей человеческого рода. Здесь не было физических преград к их смешению, не было условий для замкнутого, изолированного существования, тех условий, которыми, например, объясняется на Кавказе вековое сожительство на весьма тесном пространстве нескольких различных по происхождению племен в их первобытной чистоте со всеми особенностями языка и быта»². Толстым слоем легли на этой равнине племена друг на друга, сплелись, срослись одно с другим такими причудливыми путями, что определять строго и точно грань между ними, проследить сплетения этих путей нет никакой возможности. Эти этнографические формации не поддаются точному анализу и строгой науч-

ной систематизации так же, как не поддаются этому анализу и этой систематизации напластования и формации геологические.

Другое затруднение в этих исследованиях, являющееся, с одной стороны, неизбежным результатом первого затруднения, а с другой – объясняющееся многими иными причинами, заключается в недостаточности и неточности предварительных ученых работ, археологических и лингвистических наблюдений над современным нам бытом народа: над обычаями, праздниками, обрядами, поверьями. Наша археология ступает еще неверными шагами, как ребенок, только начинающий ходить; изучение племенных наречий и местных говоров едва только начинается; а давно ли обращено серьезное внимание на изучение народного быта, этого наилучшего комментария археологии, на собирание песен, сказок, поверий? Между тем, это изучение с каждым годом делается все труднее и труднее: обычаи вымирают, песни и сказки меняются, поверья забываются.

Чудское племя, представители которого в настоящее время разбросаны по широкому пространству от Балтийского моря до Енисея и от Северной Двины до Оки и Суры, распадается на две главные ветви: западную и восточную, различные по внешнему виду, нравам и обычаям, но сходные по языку. Трудно уловить общие черты у теперешнего жителя Финляндии и Эстонии с полудиким черемисом и совершенно диким вогулом, но эти общие черты, доказывающие общее происхождение чудских народцев, определены учеными финнологами из анализа языка, древнейшего и надежнейшего показателя народности. К западной ветви причисляют обыкновенно финнов в собственном смысле, т. е. финляндцев и финские племена теперешних губерний: Эстляндской, Петербургской и частей Олонецкой и Тверской. Восточная ветвь заключает в себе народцы, живущие по Волге и Каме и за Уралом, по притокам Оби. Кастрен, один из ревностнейших и точнейших финнологов, подразделяет восточных финнов на группы: *волжскую, камскую и уральскую*. К первой он относит обширное, почти уже совсем обрусевшее племя мордвы и черемис; ко второй – зырян, пермяков и вотяков, к третьей – вогулов и так называемых уральских остяков³, С. В. Ешевский в статье своей «Русская колонизация Северо-Восточного края» считает это подразделение далеко не точным. Он видит в нем только попытку «систематизировать, наметить, хотя внешним, поверхностным образом, отдельные линии между племенами, родственными по языку и происхождению, как-нибудь сгруппировать многочисленные ветви, идущие, очевидно, от одного корня, но разошедшиеся уже весьма далеко друг от друга, принадлежащие к одной семье, но во многом уже различные»⁴. Сами финны не называют себя этим именем. Они зовут себя *суомалайнен*, т. е. житель болотной, низменной местности. «*Финн*» есть перевод этого названия и объясняется из старонемецкого слова: *Fonn* – «болото»; под этим именем знали финнов их германские соседи. Славяне называют финнов чудью, т. е. народом чужим, не своим. В самоназвании отдельных финских, или чудских, народцев ученые также видят везде присутствие корня, означающего болото, воду, влажное место (*суо, ва, вад, вена* на западных финских наречиях, и *нер, ниор* – на наречиях восточных). В звуках *мор, мар, мер, мур*, слышных во многих самоназваниях восточных чудских народцев, ученые желают видеть значение человека, выводя это значение из черемисского *мара* – человек. Так объясняют они происхождение названий: *мордвы, муромы, мари* (так зовут себя черемисы), *морт-коми* (самоназвание зырян), *удморт* (самоназвание вотяков)⁵.

Долго пытались ученые антропологи уяснить происхождение финнов, на основании строя их черепа, долго не соглашались они между собой, к которой расе отнести финнов, к кавказской или монгольской, – пока на помощь к естествознанию не пришла сравнительная филология. На основании этой науки Кастрен признает особую группу племен, называемую им *алтайской*, к которой относит: тунгузов, монголов, турок, самоедов, енисейских остяков и финнов. Финны, живя с этими соплеменными им народами на горах Алтайских, двинулись в Европу, по предположению многих ученых, через Уральские горы, почему их долгое время называли

уральским племенем. О распространении чудского, финского племени тоже не согласны между собою ученые. Иные распространяют его по всей Европе, видя следы его и в Британии, и в Испании; другие же ограничивают его пределами северо-востока Европы⁶.

Историческая роль финнов понимается учеными также весьма различно. Иные считают эту роль очень ничтожной, другие, напротив, приписывают финнам слишком большое участие в исторической судьбе новейших европейских народностей. А. Л. Шлецер, в своей «Allgemeine Nordische Geschichte», первый высказал мысль о ничтожности исторической роли финнов. «Ни один из народов этого обширного племени, – говорит он, – кроме мадьяров, не играл видной роли в истории, ни один из них не достиг продолжительного самостоятельного существования, ни один не заявил себя завоевателем соседних народов, но, совершенно напротив, все они стали добычей своих сильных соседей. Поэтому, – заключает Шлецер, – история финнов читается в летописях их победителей»⁷. Но если история финнов и читается в летописях их победителей, то историческая роль их далеко не ничтожна и не бесследно прошли они по исторической арене. На северо-востоке Европы существовала когда-то теперь забытая цивилизация, следы которой доходят до нас через неясные сказания скандинавских саг о богатом и цветущем государстве Биармии. Мюллер, известный историк и этнограф финского племени, считает финнов за пробудителей того движения, изменившего все условия европейской цивилизации, которое известно в истории под именем великого переселения народов⁸. Кастрен полагает, что финны появились в Европе до эпохи великого переселения народов, хотя и говорит, что точное определение времени, когда финны, отделившись от родственным им племен в Нагорной Азии, утвердились в Европе – очень трудно⁹.

Все первоначальные сведения о финнах, о северо-востоке Европы, где застаёт их история – покрыты непроницаемым мраком.

Для представителей древнего мира, греков и римлян, северо-восток Европы был «украиной мира, страной, которую покинули люди и боги». Эта «украина» являлась в их сказаниях сказочной, баснословной страной, обширным полем для разных вымыслов и фантастических рассказов. За Понтом Эвксинским с колониями по его северному берегу, за землей скифов обитали какие-то неведомые народы: исседоны, одноглазые аримаспы, грифы, стерегущие золото и блаженные гипербореи, жившие у хребта Рифейского (Уральских гор). Такова первоначальная этнография полуночных стран у Аристея. Не больше света находим мы и в свидетельстве Геродота о народах, живших на севере от скифов. Его невры, обращавшиеся в волков, андрофаги, меланхлены, фиссагеты – все это какие-то мифические расы, лишённые естественных этнографических признаков.

В таком же неясном, неопределённом виде перешли сведения о северо-востоке Европы от греков к римлянам. Страбон прямо отказывается передавать точные сведения об этих странах, потому что «по Танаису», говорит он, «мало что можно узнать по причине холода и бедности страны. Туземцы, народы кочевые, питающиеся молоком и мясом, могут сносить неприязненный климат, но иностранцы не в состоянии. Притом туземцы, – прибавляет Страбон, – не общительны, свирепы и дики и не пускают в себе иностранцев». Каталог народов, живущих между Доном и Волгой, представленный Плинием, до такой степени неясен, что Шафарик, приводя его, не решается сделать из него никаких выводов¹⁰. У Тацита впервые несколько проясняется этот мрак. Он первый приводит германское название чуди – *финнов* (Fenni) и сообщает некоторые сведения о наружности и быте этого племени. По его словам, финны – народ чрезвычайно дикий и очень бедный; степень его культуры весьма низка: это примитивный быт номадо-звероловный¹¹. Птолемей упоминает весьма смутно о финнах, и из его свидетельства нельзя прийти ни к каким положительным выводам¹².

Затем, до VI в. по Р. Х. в письменных источниках нет сведений о финнах. Готский писатель VI в. Иорнанд, оставивший нам в своем сочинении «De Getarum sive Gothorum origine»

хронику событий Остготского государства, одного из самых могущественнейших государств, основанных «новыми народами», первый из средневековых историков упоминает о финнах. Остготское государство Германриха в IV в. по Р. Х. занимало обширное пространство древних Скифии и Сарматии, теперешней России. В числе народов, обитавших на этом пространстве в IV в. и подвластных Германриху, Иорнанд называет: весь, мерю, мордву, черемису и пермяков¹³. Таким образом, выступают перед вами впервые специальные названия народцев чудского, или финнского племени. Из западных летописцев, кроме Иорнанда, упоминает о мере Адам Бременский; о мордве говорит византийский император Константин Багрянородный¹⁴.

Скандинавы знают также финнов. В их сагах, с исхода IX до начала XII в., идут положительные сведения о торговой и богатой стране *Биармии*, занимавшей, по исследованию ученых, пространство от Северной Двины до верховьев Камы и Уральских гор. Вся северо-восточная сторона России носит в этих сагах имя *Гардарикии*, т. е. страны городов. Если верить этим сагам, то у финнов существовала какая-то довольно сильная, в настоящее время погибшая цивилизация. Западные финны, ближе знакомые скандинавам, являются в их сагах искусными кузнецами и мечи их славятся в целом свете. Западная ветвь финнов говорит сама о характере своей народности в своих заунывных, тихо-грустных песнях, в своем богатом религиозно-героическом эпосе «Калевала»¹⁵.

Арабы, бывшие в торговых сношениях с Болгарией, оставили нам также несколько свидетельств о чудском племени. Они знают *Артанию*, в которой некоторые ученые желают видеть мордву-эрву, *виссу* (весь) и *югру*¹⁶.

Наш первоначальный славянский летописец Нестор помещает чудские народцы, «свой язык имуще», в «странах полуночных», в «Афетовой части». Он перечисляет их в таком порядке: меря, мурома, весь, мордва заволочская, чудь, пермь, печора, ямь, угра. Далее он говорит о них определеннее, показывая местности, занятые некоторыми из них: «...на Беле озере сядят весь, а на Ростовском озере меря, на Клещине озере – меря же: по Оце-реце, где потече в Волгу, мурома язык свой и черемиси язык свой, мордва свой язык»¹⁷. Этнографические данные о чудском племени у Нестора самые определенные из всех приведенных нами выше. Очевидно, что в эпоху Нестора чудское племя обособилось уже в несколько видовых типов, достаточно различавшихся друг от друга по языку и живших на известных местностях, хорошо знакомых Нестору.

Новгородцы находились в давнейших сношениях и с западными, и с северо-восточными народцами чудского племени. Начиная с XI в., мы имеем несомненные свидетельства летописей и актов, доказывающие знакомство новгородцев с водью, ижорой, чудью (под которой г-н Костомаров понимает ливов и эстов), емью, корелюю, чудью заволочьскою и крайними чудскими северо-восточными народцами: пермью, печорой и югрой¹⁸. В летописях земля «чудь» является страной волшебства, волхвов и кудесников. Наши былины также знают «чудь белоолазую», а северо-восток России, издавна заселенной этой чудью, представляется и в былинах той же мифической страной чудес.

Меря помещается Нестором при двух озерах: Ростовском и Клещине, а весь – на Белоозере. Из последующего нашего изложения будет видно, что население у озер Ростовского и Переяславского (Клещина) стало центром заселения земли Ростовской, стало основным ядром образования этой земли, и что Белоозеро было сперва только одним из главнейших водных путей для проникновения в землю Ростовскую славянской колонизации и уже поздно вошло в состав Ростовской земли. Поэтому мы считаем необходимым остановиться теперь подробнее на рассмотрении мери.

Распространение народца мери, границы его поселений с точностью определить невозможно. Но многие ученые и исследователи местной старины пытаются провести эти границы, основываясь на археологических раскопках и на местных названиях урочищ и поселений, из

которых многие до сих пор звучат не по-русски, а иные сохраняют в своем названии имя мери¹⁹ – Так, граф А. С. Уваров определяет границы мери следующим образом: от Волги до Клязьмы, в губерниях Ярославской, Владимирской, в западной части Нижегородской и в Московской до Звенигородского уезда²⁰. О. Диев, в своей статье «Какой народ населял в древние времена Костромскую сторону?», полагает, что поселения мери шли далее на север, захватывая часть теперешней Вологодской губернии²¹. Того же мнения местный ярославский историк г-н Серебряников и неизвестный автор «Исторического очерка Ярославской губернии». Основываясь на сходстве названий урочищ в Ярославской и Вологодской губерниях, они оба полагают, что поселения мери шли на северо-восток до самого Уральского хребта²². Г-н Артемьев, в предисловии к «Спискам населенных мест Ярославской губернии», ставит границами мери на северо-западе Мологи и Шексны, а на востоке р. Унжу²³. Господа Раевский и Огородников, во введении к «Спискам населенных мест Владимирской и Московской губерний», считают возможным продлить поселения мери на восток до г. Муррома, где обитал уже другой чудской народец, муррома, а на юге и юго-западе ограничивают эти поселения левым берегом Москвы-реки, до самого ее истока²⁴.

Из представленных нами мнений ученых – исследователей местной старины – можно усмотреть, что главным образом мера жила в теперешних губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской (до Клязьмы) и северной части Московской губерний.

Как ни желательно было бы в интересах науки восстановить исчезнувшую физиономию мери, как ни желательно было бы вполне реставрировать этот народец, теперь не существующий, но мы не можем этого сделать в настоящее время, или, лучше сказать, мы не решаемся взять на себя этой задачи. Мы видели, каким неясным светом освещено для исследователя все чудское племя вообще, мы видели ту неустойчивость, которой до сих пор отличаются воззрения ученых на происхождение, распространение и историческую роль этого племени. Относительно отдельного чудского народца мери представляется еще больше неясности, еще больше неустойчивости в воззрениях. Даже самый материал, из которого можно извлечь некоторые данные о мери, не приведен в порядок, не сгруппирован должным образом, не проверен критически. Между тем материал этот в настоящее время, как нам кажется, достиг уже достаточной полноты для научной обработки.

Мы далеки от мысли представить именно эту научную обработку материала, мы не решаемся привести его в строгую систему, сгруппировать должным образом и осветить, так сказать, светочем науки. Такая задача превысила бы наши силы, наши знания. Мы поставляем себе более скромную задачу. Она ограничивается попыткой наметить главнейшие, по нашему мнению, рубрики групп материала, приняв за основание при этом степень важности и достоверности извлекаемых из той или другой группы данных, и затем указать на важнейшие из этих данных.

Материал, из которого могут быть извлечены некоторые этнографические данные о мери, может быть разделен на следующие *четыре* группы: *первая* состоит из свидетельств письменных источников – летописей, житий святых и актов; ко *второй* группе относится рассмотрение языка, быта, нравов и обычаев теперешнего великорусского населения губерний Ярославской, Костромской, Владимирской и северной части Московской; *третья* группа заключается в рассмотрении языка, быта и религиозных верований мордвы и черемис, могущих иметь некоторое отношение к языку, быту и религиозным верованиям мери; наконец, *четвертая* группа состоит из результатов курганных раскопок и археологических находок в вышеназванных губерниях.

Самой достоверной, конечно, должна быть почтена первая группа письменных свидетельств. Но данные, извлекаемые из этой группы весьма скудны; они касаются только географического распространения мери и некоторых указаний на ее религию. Вторая группа, со

временем, при более точном ее изучении, может представить много важных данных, но при настоящей ее необработанности из нее можно извлечь только несколько предположений, не лишенных, впрочем, интереса и значения. Особенности свойства разговора теперешнего великорусского населения Ярославской, Костромской и Владимирской губерний, а также племенной характер этого населения, его быт, нравы, простонародные праздники, обряды и поверья, в которых находится много черт, отличающих население этой местности от других местностей России, дают право предполагать, что когда-то обитавший в пределах этих губерний чудской народец меря пропал не бесследно, дают право предполагать, что остатки этого народца живут в теперешнем населении края... Данные из третьей группы, если не вполне еще достоверны, то, по крайней мере, вероятны. Эти данные дают возможность, при сопоставлении этнографических особенностей мордвы и черемис, заключить, на основании этого сопоставления, по аналогии, о некоторых этнографических чертах мери. Что же касается до последней, четвертой группы, то данные из результатов курганных раскопок и археологических находок представляются нам еще слишком шаткими для того, чтобы основать на них какие-нибудь выводы.

Переходим теперь к указанию важнейших данных, которые можно извлечь из выставленных нами четырех групп.

Первая группа. Позднейшие свидетельства летописей и актов дают нам возможность проверить показание Нестора о том, что меря жила у ростовского озера Неро и Клещина озера и, кроме того, убеждают нас, что меря распространялась своими поселениями дальше, чем предполагал Нестор.

Переяславский уезд еще в XVI в. назывался *Мерским станом*²⁵. У рязанских пределов летописи указывают речку *Мерску*, на которой стоял с «воями» князь Изяслав Владимирович в 1209 г., при нападении на Ростовско-Суздальскую область рязанских князей²⁶. В обеих духовных грамотах Московского Великого князя Ивана Калиты XIV в. упоминается село *Усть-Мерское*, лежавшее около Коломны²⁷. В XIII в. Галич-Костромской назывался, в отличие от южного Галича, *Мерьским*. Так называет его летописец под 1238 г. Описывая татарский погром, он говорит, что татары «попленина все по Волге и до Галича Мерьского»²⁸. Из жития св. Исаии, епископа Ростовского XI в., мы видим, что у туземцев Ростовской области были идолы²⁹. Камень Велеса, которому поклонялись в Ростове в «Чудском конце», тоже около XI в. был разрушен св. Авраамием Ростовским³⁰. Священное значение камней у мери подтверждается известием жития св. Иринарха Ростовского, который уже в XVII в. сверг в реку Трубез камень, лежавший около Переяслава и, по понятию жителей этого города, имевший целебную силу против разных болезней³¹. Припомним здесь, что камням вообще приписывалось священное значение на всем финском северо-востоке³². Летописные свидетельства говорят нам также о волхвах, появлявшихся в Ростовской области, в которых можно видеть следы жрецов у мери. Особенно любопытно в этом отношении известие Нестора под 1072 г.³³

Вторая группа. Главная особенность теперешнего населения губерний Ярославской, Костромской и Владимирской заключается в особом свойстве говора. Это свойство характеризуется полногласием и некоторыми чуждыми словами, находящимися до сих пор в употреблении. Филологи признают этот говор за отдельную ветвь великорусского наречия, называя ее суздальской, а И. П. Сахаров, известный знаток русской народной жизни, кроме того, находит в суздальской ветви еще пять оттенков: суздальский, ярославский, костромской, галицкий и муромский³⁴.

Мы не считаем себя вправе входить в филологические рассуждения о характере этой ветви великорусского наречия со всеми ее оттенками, и по некомпетентности нашей в этом деле, и по неразработанности самого предмета. Но считаем возможным заметить здесь, что, по нашему мнению, нет никакого сомнения в том, что в оттенках говора великоруссов выше-

названных губерний роль мери далеко немаловажна и что при тщательном изучении наших областных наречий представится со временем возможность, быть может, вполне восстановить забытый, но не пропавший язык мери³⁵. Остатки этого языка, кроме того, могут находиться в местных названиях урочищ и поселений губерний Ярославской, Костромской и Владимирской, которые, звуча дико для русского уха, являются нам совершенно непонятными словами³⁶.

Еще более непонятного встречаем мы в отдельных, специальных говорах Ярославской, Владимирской и Костромской губерний, в так называемых *тайных языках*. Откуда, например, взялся язык офеней, этих пресловутых ходебщиков – продавцов Владимирской губернии, известных по всей России? Офени сами себя называют *мясыками* и производят и это название, и свой язык от мясыков, народа, когда-то, по их мнению, кочевавшего по Волге. Язык офеней, основанный на аналогии, подобии и иносказательном значении слов, представляется на первый взгляд просто тарабарщиной, случайным извращением и перевираанием русских слов. Но нельзя поручиться, что в состав, если не в основу, этого языка не легли бы слова забытого языка мери³⁷. В Угличском уезде Ярославской губернии существуют мелкие скупщики холста, ниток и других льняных изделий на сельских базарах, называемые *маяками*, которые тоже употребляют между собою условный, тайный язык; язык этот, впрочем, состоит, преимущественно из слов, означающих денежный счет³⁸. Подобный же, странно звучащий, денежный счет существует в г. Нерехте Костромской губернии³⁹. В Нерехте же есть особый тайный язык, называемый *елтонским*, тоже принадлежащий местным торговцам. (От слова: елтыш – «безмен» на этом языке; знающий язык безменников). О. Диев приводит любопытные образчики этого языка, объясняющие некоторые названия мест Костромской губернии, совершенно необъяснимые из языка русского. Так, например, *костр*, *кострыга* значит на елтонском языке город; *мае*, по-мордовски – красивый; отсюда Кострома, – красивый город. *Кинишит* по-елтонски – приставать, спокойно стоять; откуда Кинешма, в соединении с мордовским *мас*, означает красивую пристань. Елтонские слова: *гал* – многолюдно, *лох* – соседний, *олонно* – давно, *шунге* – песенник, по мнению о. Диева, дали названия: Галичу, Луху (город и река Костромской губ.), Олонцу и селу около Костромы, Шунге⁴⁰. В Галиче существует тоже тайный язык *елманский*, который П. П. Свиньин считает за остаток языка мери⁴¹.

Переходя к племенному характеру населения, мы позволим себе указать, в виде примера, на два особенных типа населения Ярославской губернии, являющих в себе очень много загадочного: *пошехонцев* и *сицкарей*.

О Пошехонье, означавшем прежде целую страну по Шексне, называвшейся, по местному говору, Шехонью, ничего не пишут летописцы, зато много рассказывают сказки. Никакой грамотей не сумеет объяснить, откуда взялись пошехонцы: вывелись ли они в туземном лесу, прибыли ли из за моря, сами ли бивали других, или были биты другими в старые времена; зато и безграмотные знают, как пошехонцы «в трех соснах заблудились», как «искали комара за семь верст, а комар сидел у них на носу», как они «лазили на сосну Москву смотреть», как «ходили покупать Ивана Великого» и т. п. Обычай и нравы пошехонцев во многом различны от окрестной массы великорусского населения⁴². Сицкари, живя в местности, лесистой и болотистой по р. Сити, в Моложском уезде, отличаются от остального окрестного населения, и лицом, и фигурой, и одеждой, и говором, и обычаями. Неуклюжий, небольшого роста, с выдавшимися скулами, одутловатым лицом и редкой, клочковатой бороденкой, сицкарь отличается домоседством, прилежанием и честностью. Окрестные жители говорят про человека неловкого в обращении, не умеющего щеголевато одеваться: «экой ты сицкарь», или «кокора сицкая». Откуда взялись пошехонцы и сицкари? Положительных ответов на это мы не имеем⁴³.

Различие в складе религиозного воззрения у великоруссов и южноруссов, преобладание в первом воззрении внешности, обряда и практичности над внутренним содержанием, догмой и большее развитие поэтической стороны религии во втором давно обращают на себя внимание исследователей нашего быта, нашей истории. Многие из исследователей пришли к заключению, что причину этого различия следует искать в неизбежном присутствии чудского, финского элемента в великорусской народности. Эту мысль высказывал еще в 30-х годах Снегирев⁴⁴, а в последнее время гораздо лучше определение выражена она господином Мельниковым, как мы увидим ниже.

Вследствие чего, в самом деле, произошли эти особенности сравнительно с югом России, которые мы видим в некоторых праздниках Костромской и Ярославской губерний; например в празднике коляды и таусеня⁴, в празднике Семика⁵, в который сжигается кукла Костромы?.. Откуда это чествование камней, неизвестное на юге и бывшее сильно распространенным на финском северо-востоке и долго сохранявшееся в вышеназванных губерниях? Наконец, происхождение самого Велеса, «скотьяго бога», не разъяснено должным образом, и многие желают в нем видеть бога мери⁴⁵. В свадебных и похоронных обрядах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний наверное найдется также много отличий от южнорусских⁴⁶.

Какая доля участия в образовании всех этих особенностей языка, характера и обычаев народа в тех местах, где в одно время обитала меря принадлежит собственно мере, какая доля падает на другие народные племена, оставившие свой след на великой равнине северо-восточной Европы, в каком отношении находится влияние мери к другим влияниям? На все эти вопросы пока не может быть ответа.

Третья группа. Есть предположение, что в глубокой древности существовала отдельная и обширная ветвь чудского племени, – племя мордовское, обитавшее в областях Оки и верхнего течения Волга. Г-н Иловайский в своей «Истории Рязанского княжества» полагает, что мордовское племя когда-то занимало огромное пространство от Уральских гор до самого Днепра, что, вследствие движения кочевых орд из-за Урала, оно было отрезано от южной своей части – хозар – и отодвинуто далее на север, где потом утратило родовое название, и в IX в. появилось в истории раздробленным, под именами разных отдельных народцев⁴⁷.

Действительно, можно предположить, что теперешние поволжские чудские народцы – мордва и черемисы – составляли в одно время одно целое с несуществующими теперь народцами мерею и мурою: *мордва*, по изъяснению Кастрена, означает людей на воде (мор – человек; ва – вода), а *муroma* – людей на земле (ма – земля). Кастрен, поэтому, считает мордву с муromой за одно поколение, впоследствии распавшееся на две ветви, из которых одна осталась при воде (мордва) а другая была оттеснена далее от воды, на землю (муroma)⁴⁸ Образчики языка муromы, кроме ее самоназвания, до нас не дошло; но мы имеем любопытное известие о религиозных обрядах муromцев XI в., представляющих большое сходство с некоторыми обрядами мещеряков, которые признаются этнографами за видоизмененное название мордвы-мокши⁴⁹. В житии муromского князя Константина читаем о муrome XI в.: «Очныя ради немощи в кладезях умывающиеся и сребреницы на ня повергающее... дуплинам деревянным ветви убрусцем обвешивающе и сим поклоняющиеся... кони заклающе и по мертвых ременные плетения и древолазная с ними в землю погребающе, и битвы, и кроение и лиц настрекания и драния творяще»⁵⁰. Мещеряки до сих пор, при погребении мертвых, «творят

⁴ Таусень (авсень, овесень, баусень и пр.) – русский праздник в канун нового года. По предположению В. И. Даля, праздновался в первый день весны, 1 марта, которым прежде начинался год. – *Здесь и далее примеч. ред.*

⁵ Семик – восточнославянский праздник весеннелетнего календарного периода, знаменовавший прощание с весной и встречу лета. Отмечался в седьмой четверг после Пасхи. В народном календаре, с принятием христианства, к этим дням был приурочен праздник Троицы.

лиц настрекания и драния». Г-н Ауновский в своем «Этнографическом очерке Мещеры» говорит, что женщины, когда опустят покойника в могилу, поднимают вой, *жестoko царапая себе лицо ногтями*. То же самое делает невеста при снаряжении ее в церковь и благословении родителями; при этом она неистово кричит и визжит для выражения печали⁵¹. Лес, как известно, в большом почитании до сих пор у мордвы, черемис и вообще у всех северо-восточных чудских народов. Принесение в жертву лошадей прекратилось у мордвы только с того времени, как она перестала употреблять их в пищу⁵². Г-н Иловайский полагает, что «мещеря» есть видоизменение слова «меря»⁵³. Снегирев и Диев также предполагают, что мордва-мокша (мещеря) есть меря⁵⁴.

Мордовский народ, разделяющийся на две главные ветви: *эрзу* (северо-западную) и *мокшу* (юго-восточную) и населяющий лесную сторону по Волге и Оке – был издавна народом воинственным и вошел во враждебные столкновения со славяно-русским племенем достаточно давно: при самом начале его поступательного движения на восток. Отличительная черта мордовского народа заключается в его способности к слиянию с другими народами: так он подвергся сильному влиянию татар, после завоевания ими Булгарского царства, в улусы, которого входила земля Мордовская, а затем, после покорения царства Казанского Московским государством, начал сильно русифицироваться. На восток и на юг от р. Мокши, говорит Герберштейн о мордве-мокше XVI в. (об эрзе он не упоминает), встречаются огромные леса, в которых живет народ мордва, который имеет свой собственный язык и состоит под властью московского князя. Одна часть мордвы пребывает в идолопоклонстве, другая часть исповедует ислам. Мордвини живут рассеянно по деревням, обрабатывают поля, питаются дичиной и медом, имеют в изобилии драгоценные меха; это люди в высшей степени свирепые, потому что не раз храбро отражали даже татарских разбойников. Почти все они пешие, отличаются продолговатыми луками и искусством метать стрелы⁵⁵. Теперешний быт мордвы не представляет особенностей от быта великорусского. Но охота и пчеловодство до сих пор составляют главнейшие промыслы мордвина. Вместе со способностью к слиянию с чуждыми народностями мордовский народ выказал неимоверную стойкость в отстаивании неприкосновенности своей религии, из-за нарушения которой он весьма часто с ожесточением восставал против московской власти, бывшей проводником христианства среди мордвы⁵⁶.

Общий строй мордовских религиозных верований определяется *дуализмом*, подробности которого видоизменяются по племенным ветвям. Верховный бог, бог добра и света, *Чам-Пас* у эрзы и *Шкай* у мокшан и *Шайтан*, сотворенный верховным богом, представитель зла и мрака, стоят во главе божественной иерархии мордвы. Родоначальницей генеалогической иерархии божеств является *Анге-Патяй*, дочь Чам-Паса, от которой произошли все остальные боги – *пасы*, и богини – *патяй*, которых всех вместе г-н Мельников насчитывает 14. Три сына Анге-Патяй: *Нишки-Пас*, *Велен-Пас* и *Назаром-Пас* – являются богами неба, земли и царства мертвых, которое по мордовским представлениям, согласно их быту и промыслу, характеристически воображается под видом темного и обширного пчельника. К низшему разряду божественной иерархии относятся боги – охранители и покровители лесов, охоты и звероловства. Около богов и богинь группируются добрые духи (озаис у эрзы и озкс у мокши), сотворенные, но не рожденные Анге-Патяй. Около Шайтана находится сонм сотворенных им злых духов. У мордвы очень много легенд и сказаний о сотворении мира и Шайтана, о происхождении озаисов, о судьбе первых людей, о близких сношениях богов с людьми. Ни идолов, ни храмов у мордвы не было. Обрядовый культ мордвы заключается в молениях и жертвоприношениях. Огороженные места, на которых они приносятся, обыкновенно в лесах, называются *кереметями*. (Керемети в деревнях обсаживаются березами.) Моления и жертвоприношения в совокупности называются *молянами*, которые разделяются на *домашние* и *общественные* (велен-молян). Кроме молян в кереметях, совершались моляны на кладбищах в честь умерших пред-

ков (*атяня-молян*), сопровождавшиеся обрядами, весьма похожими на русские поминки. У эрзы были жрецы, у мокшан их не было; моления и жертвоприношения у них совершал глава семейства. Вообще, как самые религиозные верования, так и обрядовый культ, более развиты у эрзы, чем у мокши. Жреческие обязанности сложились у эрзы в правильную иерархию. Во главе ее стоит *прявт*, собственно не жрец, а главный распорядитель молян. Верховный жрец – *возатя*, и двенадцать его помощников, разделявшиеся на четыре чина, каждый со специальными обязанностями при жертвоприношениях – *париндяитов*, *янбед*, *кашангородов* и *туросторов* – составляют иерархию жрецов; кроме них на молянах играют роль *позанбунаведы* – служители при жертвоприношениях, подчиненные непосредственно *прявту*. Предметы жертвоприношений мордвы суть: *домашние животные*, преимущественно быки и бараны, *хлеб*, *яичница*, *мед* и *пиво*, называемое *пуре*. Орудиями жертвоприношения являются *штатолы* (восковые свечи), *парка* (священная кадка), *священные ковши* и *ножи* и *горящий уголь*. Большую роль в молянах играет *камень – кардо-сярко*, который непременно находится на дворе каждого дома и в каждой керемети. Общественное моление, Велен-молян, совершается у мордвы с большой торжественностью и со стройным порядком богослужения. Кроме молений с возгласениями *возати* и жертвоприношений, совершаемых им же, они сопровождаются музыкой на дудах и пением девушек. У г-на Мельникова описан подробно этот Велен-молян. Подробности исполнены глубокого интереса, но мы не считаем возможным приводить их здесь вполне: это вывело бы нас за пределы общего очерка мордовских верований, который нам нужно было представить. Мы остановимся только на одном обряде богослужения Велен-молян, а именно, на сборе необходимых для жертвоприношений припасов. Этим обрядом, по весьма справедливому мнению г-на Мельникова, может быть объяснено одно, до сих пор малопонятное и для нас весьма важное, место Несторовой летописи о появлении волхвов в Ростовско-Суздальской области в 1071 г. По глубокому интересу самого обряда относительно сближения его с рассказом Нестора, мы приводим его в подробном извлечении.

Характеристические особенности этого обряда заключаются, главным образом, в способе приготовления к моляну муки, меда, масла, яиц и денег *замужними женщинами*, в том способе, которым они передают приготовленное сборщикам жертвенных припасов: *париндяиту* и *янбеду*, в домашнем жертвоприношении, производимом женщинами по уходе сборщиков, и в роли, которую играют во всем этом обряде девушки. Мужчины не только не принимают в приготовлениях никакого участия, но не могут их даже видеть, для чего с раннего утра того дня, когда в деревню должны приехать сборщики (а это известно заранее), уходят, на работу в поле, в овины, или же прячутся в хлевах, как скоро узнают что *париндяит* с *янбедом* приехали. Даже мальчики прячутся с отцами; при матерях могут оставаться только грудные и не умеющие ходить дети мужского пола. Накануне того дня, когда должны приехать в деревню сборщики, женщины делают приготовления. Они шьют три-четыре и более холщовых мешочка и к ним пришивают по две длинные тесемки или веревочки. В один мешочек хозяйка насыпает фунт, два или более муки, смотря по тому, сколько предполагается *молельщиков* на предстоящем моляне, в другой кладет бурачок с медом, в третий несколько гривен денег, в четвертый – бурачок с маслом, в пятый – бурачек с яйцами и т. д. Потом накрывает стол чистым рядом и раскладывает на нем назначенные для сборщика мешки. Подъехав к деревне, сборщики останавливаются у околицы и некоторое время медлят, чтобы дать женщинам время сделать нужные приготовления к их приему. Затем, когда бегающие по улице девочки скажут матерям, что *париндяит* и *янбед* прибыли, последние с разными мифическими приемами и молитвами входят в избу. При входе *янбеда* в избу в ней горит *штатол* на *шестке* печи, перед которой стоит стол с мешками. Перед ним становятся *замужние женщины* семьи задом к двери. Плечи и грудь у них обнажены по пояс. Девушки стоят возле них также задом к двери, но не обнажены⁵⁷. *Париндяит* с *янбедом*, войдя в избу, останавливаются у самой двери, один – держа *парку*, другой – *жертвенный нож* и читают громко молитву *Чам-Пасу*, *Анге-Патяй* и *Юртова-*

озаису (духу покровителю дома). Тогда старшая замужняя женщина берет обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывает его через голову назад на голые свои плеча, и, не оглядываясь, потому что не должно женщинам видеть лицо сборщиков, пятится задом к дверям. Когда таким образом она подходит к сборщикам, париндяит подставляет к спине ее священную парку, а янбед, взяв в одну руку мешок, другой рукой пять раз слегка колет подошедшую священным ножом в обнаженные плечи и в спину, читая молитву, обращенную к Анге-Патяй, и потом перерезает тесемки; мешок падает в парку, а концы тесемок остаются в руках женщины. Она отходит к столу, не оглядываясь; за ней другая таким же образом подходит к сборщикам с другим мешком, третья с третьим и т. д. Если же в семье находится одна замужняя женщина, то она одна относит к сборщикам описанным порядком приготовленные мешки один за другим. Девушки остаются у стола: они не могут трогать приготовленные мешки. Приняв назначенные для жертвоприношения припасы, сборщики уходят, не затворяя ни дверей избы, ни ворот, складывают все полученное на возе и отправляются в следующий дом. По удалении сборщиков женщины разводят на шестке огонь, зажигая его горящим штатолом, и сжигают на нем остатки тесемок. Пепел их, вместе с углями, кладут в загнетку с молитвой к Юртова-озаису (духу-покровителю дома), которую произносит старшая в доме⁵⁸. Любопытный рассказ Нестора о волхвах в Ростовской области мы приведем ниже, а здесь припомним только, что во время голода в Ростовской области, волхвы были убеждены, что причина этого голода заключается в том, что замужние женщины «обилие держат» у себя за плечами, за что они и убивали их, прорезывая им «в мечте», как говорит летописец, за плечами и вынимая оттуда «жито, рыбу, мед и скору».

Священным днем у мордвы считается пятница. Праздники мордвы и сопровождающие их обряды весьма схожи с великорусскими. Конечно, много из этих обрядов перешло к теперешней мордве от русских. Это тем более вероятно, что в настоящее время большая часть мордовского народа, забыв свой язык, употребляет русский даже и в языческих своих молитвах. «Но нельзя также отвергать, – говорит г-н Мельников, – чтобы некоторые старинные мордовские религиозные обряды не перешли к русским». Так например г-н Мельников полагает, что *коляда* и *авсень*, или *таусень*, заимствованы великоруссами у мордвы или у другого какого-либо финского племени, на что указывают самые названия того и другого святочного обряда. В русских деревнях неделя перед Троицыным днем зовется *зелеными святками*. Здесь видно торжество праздников Семика и святков, которое вполне объясняется празднованием мордвы в оба праздника Анге-Патяй и березовым богам: лесному Колу-озаису и домашнему, Келяде⁵⁹

Сопоставляя затем и другие праздники и обычаи мордовские с великорусскими, г-н Мельников заканчивает свои статьи о мордовских религиозных верованиях следующими словами: «Вообще древняя мордовская вера, кажется, имела большое сходство с языческою верою русских славян, если не была одна и та же. У русских, уже девятьсот лет принявших христианство, она совершенно забылась, но остатки ее сохранились в разных обрядах, из которых многое трудно, или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не так давно и еще помнит старинную свою веру. По сохранившимся у мордвы религиозным обрядам и по преданиям о ее религии можно объяснить многие русские обычаи и обряды»⁶⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.